

Максим Венгеров метнул бис

в зал Чайковского

Коммерсантъ - 2006 - 17 мая - с. 22.

В концертном зале имени Чайковского выступил знаменитый скрипач Максим Венгеров. Камерную программу с Моцартом и Бетховеном в первом отделении и классиками XX века Сергеем Прокофьевым и Дмитрием Шостаковичем во втором он сыграл вместе с пианисткой Лилией Зильберштейн. О самом легком отечественном скрипаче и самой тяжелой публике задумалась ВАРЯ ТУРОВА.

Главный шоумен академической сцены, душка-виртуоз — и сплошь серьезные сонаты без единого намека на спецэффекты, благодаря которым этот скрипач завоевал мир. Плюс к тому самый что ни на есть серьезный человек за роялем — пианистка Лилия Зильберштейн, от шоу далекая во всех отношениях, занимающаяся фортепианным искусством в полном соответствии с «русскими традициями», то есть космически серьезно.

Стало ясно — скрипач хочет наконец доказать свою состоятельность музыканта, а не золотого мальчика, бывшего когда-то вундеркиндом и выросшего в одного из самых дорогостоящих скрипачей мира. То же самое он попытался сделать и на своем первом сольном концерте в Большом зале. Два года назад Максим Венгеров вместе с дивным турецким пианистом Фазилом Сайем играл сонаты Баха, Брамса и Бетховена, не случайно выбрав именно ту программу для главного, и самого консервативного, зала его бывшей родины.

Правда, после этого он возвращался сюда еще раз. Юрий Башмет, которого господин Венгеров иначе как «дядя Юра» не называет, вручал ему учрежденную башметовским фондом премию имени Шостаковича. Получив недавно Grammy за запись скрипичного концерта Бенджамина Бриттена и альтового концерта Уильяма Уолтона вместе со своим частым партнером дирижером Мстиславом Ростроповичем, казалось, мож-

Скрипач Максим Венгеров не в силах скрыть от публики удовольствия, с которым играет ФОТО ЮРИЯ МАРТЬЯНОВА

но было успокоиться. Коллеги-небожители тебя признают, с тобой музицируют, публика раскупает билеты за считанные дни в любой точке мира, и самая главная музыкальная премия у тебя уже есть.

Гораздо труднее примириться с тем, что в России, стране, избалованной скрипачами-гениями, Максима Венгерова не спешат признавать большим музы-

кантом. Венгеровского приятеля и одноклассника Вадима Репина, выступившего в Москве, как назло, неделю назад, признают, холят и лелеют. Дело совсем не в концепции исполнения, дело в отношении — этому скрипачу легко играть на скрипке, и он не в силах этот злополучный факт скрыть. Но слишком сильно еще влияние «золотой» русской скрипичной школы не

только на публику или критику, но и на самих артистов, пребывающих в святой уверенности, что настоящее искусство — это когда в зале рыдают.

Упивающаяся воспоминаниями о Когане, Ойстрахе, Кагане, причем чем трагичнее судьба, тем и любовь больше, публика с подозрением относится к баловням судьбы. И ее нелегко разубедить. Боюсь, что нынешний

концерт не стал исключением. Нет, все было крайне серьезно, и даже на бис скрипач сыграл «Прелюдию» Шостаковича, а вовсе не какой-нибудь «Хоровод гномов», принесший ему славу. Но то и дело прорывалась наружу свойственная этому музыканту легкость, чтобы не сказать — легкомысленность.

Никто, собственно, и не осмелится сказать, что веселить

зал — менее достойное занятие, чем заставлять его задумываться о вечном. Но в России все обстоит гораздо сложнее. Поэтому у Вадима Репина, даже виртуозные бисы играющего как Бетховена, есть шанс на истерическое признание в отечестве, а у Максима Венгерова, Бетховена играющего как бисы, есть всего лишь весь мир в утешение.